

Предтеча Золотого века

По одной из версий, отдаленный потомок Карла Анжуйского барон

Игорь Чутко

Роберто Орос ди Бартини в 1923 году по решению ЦК Итальянской компартии тайно эмигрировал в Советскую Россию. По другой - он бежал туда из Италии, ставшей фашистской. По третьей - вместе с тремя сообщниками захватил в Германии самолет и улетел на нем в красный Петроград. По четвертой - его выкрали в Италии советские агенты. Так или иначе, но в России он стал засекреченным главным авиаконструктором. Генеральных конструкторов тогда еще не придумали.

НАЧАЛО ЛАБИРИНТА

Биография этого человека запутана с момента его рождения. И чтобы сделать ее достоверной, надо найти документы, возможно, еще хранящиеся в Италии, Австрии, Венгрии, в бывшей Югославии, Германии, Китае, Сирии, на Цейлоне... В тех же, что существуют, далеко не всегда совпадают отдельные факты их толкования. Даже фамилия его в одних документах пишется как Орос ди Бартини, в других как Орожди. В одних архивных извлечениях он значится уроженцем австрийской, в других - венгерской части тогдашней двуединой монархии, в третьих - говорится, что в 1920 году он был репатриирован из лагеря военнопленных под Владивостоком как подданный короля Италии.

Поэтому, чтобы биографию Бартини выстроить, опираться придется прежде всего на его собственные рассказы.

На свет он появился "незаконно". Его мать, сирота семнадцати лет, не выдержав насмешек, положила ночью спящего младенца на крыльцо дома своих опекунов и утопилась. После чего заботу о нем взяла на себя семья крестьянина, который вскоре стал садовником в резиденции вице-губернатора австрийской провинции Фиуме, барона Лодовико Орос ди Бартини.

Супругов ди Бартини связывало многое. Но они не любили друг друга, и за это - верила донна Паола - небо покарало их бездетностью. Искупить свою вину они могли, только дав счастье чужому ребенку. И тут появился малыш Роберто, днями напролет тихо игравший в саду резиденции.

Словом, донна предложила садовнику отдать ей Роберто с тем, чтобы они с мужем его усыновили. Садовник на ее предложение ответил отказом. Тогда это дело было поручено детективу. Тот поручение выполнил, но, докладывая о результатах, вдруг запнулся. В итоге оказалось, что отец мальчика... барон Лодовико.

Эти события, скорее всего, недалеко от истины. Недаром Роберт Людовигович и в автобиографической киноповести "Цепь", и в частных разговорах, казалось бы, ничем не связанных с теми давними эпизодами, постоянно обращался к этой теме. А в письме, которое он назвал "Моя воля", найденном наскоро спрятанным между рамами окна при разборе его домашнего архива, просил "собрать сведения обо всей моей жизни. Извлеките из нее урок..."

ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ

Познакомиться с ним и побывать у него в доме мне довелось в начале 1960-х. До этого момента я никогда его не видел, только кое-что о нем слышал. И надеялся услышать еще что-либо, причем уже от него самого, без привнесений, неизбежных в устном творчестве.

Жил Бартини тогда, как, впрочем, и почти всегда, один, отдельно от жены, сына и внука, которых очень любил. Эта загадка, среди многих вскоре последовавших, для меня

разрешилась в тот же день и наглядно: Бартини был явно неприемлем в совместном быту. В частности, желал иметь свои бумаги, вещи, книги, по крайней мере, те, которыми пользовался на тот момент, постоянно под рукой, разложенными на столах, стульях и просто на полу в невообразимом, но хорошо ему самому известном порядке.

В солнечный летний день в его квартиру с наглухо зашторенными окнами еле пробивался шум с Кутузовского проспекта. В большой проходной комнате слабо и рассеянно светила люстра, укутанная марлей, в дальней, служившей ему кабинетом, над исчерканной рукописью с многоэтажными формулами, завалившей изящную модель летательного аппарата, горела настольная лампа с самодельным абажуром из плотной зеленой бумаги. Заметив мое удивление, Бартини объяснил: у него не суживаются зрачки, яркий свет режет ему глаза - после какой-то болезни, перенесенной несколько лет назад. Опять же - когда, где? В Италии, Австрии, Венгрии, Чехии или уже в России? Или в те десять лет, которые он провел в сталинских тюрьмах?..

Был он невысок, крепок, хотя уже несколько грузен: к семидесяти перестал делать гимнастику. Общителен -однако до границы, которую сам ставил. Даже перед очень близкими людьми раскрывался не до конца, что выяснилось гораздо позже, когда разобрали его домашний и служебный архивы. Работал на износ, до последней минуты. Поднялся из-за стола, видно, почувствовав себя плохо, и упал. Нашли его только два дня спустя. Он никогда не спешил в делах, вернее, не суетился, потому что, кажется, испытал и пережил все - успехи и провалы, отчаяние и счастье, любовь и дружбу, верность и предательство, - ни от чего не открепиваясь. По натуре крайне эмоциональный, нервный, он, вероятно, когда-то раз и навсегда заставил себя "держаться в струне". В конце восьмого десятка помнил в деталях - и что было давным-давно в Фиуме, и что произошло год, десять лет назад на заводе или в министерстве. Разговаривая, всегда следил, понятно ли он высказывается, не потерял ли собеседник нить рассуждений...

НА ЗАРЕ "НОВОЙ ЭРЫ"

В его доме среди множества предметов - молчаливых свидетельств прошлого - обращали на себя внимание две фотографии под стеклом на стене. На одной - молодой, гордый аристократ Роберто в энергичном байроновском полуобороте, на другой - он же лаццароне, деклассированный элемент в Италии, жалкий, не опасный, а скорее даже полезный для новых хозяев страны. Это были неплохие маскировки, но даже они не помогли. Полиция в конце концов все же напала на след диковинного барона, то возникавшего в разных местностях, то вдруг исчезавшего, ниоткуда вроде бы не уезжая. И в 1923 году Бартини эмигрировал через Германию в Советскую Россию, в Петроград.

...Программу для Роберто составили жесткую. В Москве его ждали делегат от КПИ в исполкоме Коминтерна Антонио Грамши и Ян Берзин из Разведуправления РККА, где нужны были свежие сведения о белоэмигрантских организациях в Европе, в странах, где Бартини побывал по дороге в порт Штеттина.

...Фотографии из папки с надписью "1923 год": Москва, зима. Старый дом в Мерзляковском переулке, ныне снесенный, - общежитие Реввоенсовета, комната более чем скромная. Убогость жилья не пугала Роберто, в Италии он жил и в ночлежках.

Тогда ему было 26 лет. Что произошло за эти годы, он вскоре изложил в автобиографии, вступая в РКП(б). Родился... Семья... Отец, которого Роберто любил и уважал как человека достаточно прогрессивного. Один из переданных сыну отцовских идеалов - во всех, без малейших отступлений, отношениях с людьми ни при каких обстоятельствах не пользоваться привилегиями, если ты их не заслужил. И решать, заслужил ты их или нет, - не тебе...

Далее в автобиографии: окончил гимназию, был определен в офицерскую школу, на русском фронте попал в плен к казакам Брусилова, в плену стал социалистом. В 1920 году репатриирован в Италию. Из-за своих сформировавшихся политических взглядов к богатому отцу не вернулся, уехал в Милан, стал рабочим, был принят на заочное отделение политех-

нического института. В 1921 году вступил в компартию, после захвата власти фашистами ушел в подполье...

На всю дальнейшую жизнь усвоил: партия - не учреждение. Революционная партия - это добровольный союз единомышленников, готовых идти на любые жертвы в борьбе за установление социальной справедливости: в старом обществе человек богат тем, что он сумел отнять у других, в новом - тем, что дал другим. Чем больше даст каждый, тем больше будет у всех.

Для победы нового общества решающее значение имеет рост самосознания народа, экономических возможностей государства и его военной силы, интернациональной солидарности людей труда.

Начало всего этого Бартини увидел, как он долго впоследствии полагал, именно в Советской России.

НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ СИЛА

Авиаконструктор С.В. Ильюшин спросил однажды дипломников в Академии имени Жуковского: что же нужно конструктору - какие субъективные качества - для появления идеи замечательной машины?

- Знания нужны. Личный опыт, пожалуй... Хотя самые опытные люди - старики, а конструктор, раз уж ему суждено, должен выходить в главные годы к тридцати, от силы к сорока. Еще - интуиция, умение подбирать помощников. Настойчивость, упорство.

- Понятно, - ответил Ильюшин. - Только ведь все это нужно и хорошему директору, и бухгалтеру, и артисту...

Но других соображений у дипломников не нашлось. Тогда авиаконструктор рассказал им, как в 1948 году, освободившись из шараги, Бартини приехал к нему, на 240-й завод, которым руководил до ареста.

- При его появлении у меня в кабинете некая сила буквально выхватила меня из кресла. "Роберт, - говорю, - садись сюда - это же твое место!" Не сел, понятно, только улыбнулся... И вот спрашивается: что это за сила такая? Материальная? Вряд ли.

Почему-то Бартини, например, никогда не чувствовал голода, не ощущал времени, несмотря на то, что дома у него на столе всегда стояли еда и часы. Даже жажды не чувствовал. Как-то на работе упал в обморок. Прибывший врач определил, что у главного конструктора организм обезвожен. Страх он, видимо, тоже не испытывал, исключая, наверное, единственный случай. Его привезли из шараги на Лубянку, к самому Берии, докладывать о работе. Берия его выслушал и дежурно спросил, есть ли у него какие-либо претензии.

- Есть. Меня осудили ни за что, держат в тюрьме...

Берия встал из-за стола и пошел к арестанту почему-то не прямо, а по дуге, мимо десятка присутствовавших полковников и генералов. Те напряглись. Наверняка, подумал Бартини, сейчас будет плохо: "А-а-а, тебя взяли, так ты же еще и не виноват!.." - и почувствовал противный холод в груди. Берия уставился ему в глаза.

- Бартини, ты коммунист?

- Был.

- Мы знаем, что ты не виноват. Но в какое же ты положение хочешь поставить партию? Предположим, мы тебя сейчас отпустим, что нам скажут враги? Скажут: вы его посадили ни за что и ни за что отпустили!.. Нет, Бартини. Ты сначала сделай машину, и после этого мы тебя не только отпустим как искупившего свою вину, но еще и орденом наградим.

Как-то после войны руководство Минавиапрома переругалось, обсуждая сложный технический вопрос. Спорили, пока слово не взял знаменитый Александр Сергеевич Яковлев: "Что это мы тут шумим? У нас же есть Бартини - вот и поручим проблему ему! Уж если он ее не решит, значит, она принципиально нерешаема..."

Впоследствии Александра Сергеевича спросили, так ли было дело. И если так, то почему о Бартини мало кто слышал из рядовых граждан? Авиация ведь - дело особое, а потому и интерес публики к ней особый! Яковлев тогда предложил приехать к нему, чтобы побесе-

довать спокойно, только предварительно созвониться. Звонили. Несколько раз. Трубку брала вежливая секретарша, спрашивала, кто звонит и откуда. Отходила и, вернувшись, сообщала, что генеральный еще не приехал. Или уже уехал. Нежелание Яковлева говорить о Бартини, тем более говорить в похвалу, объяснимо тоже примерами. В своих воспоминаниях и в сборнике "Развитие авиационной науки и техники в СССР", вышедшем в 1980 году, он пишет, как в конце войны был поставлен и дважды обсуждался вопрос, не следует ли хороший дальний бомбардировщик Ер-2 переделать в пассажирский экспресс, "приспособить его"? Участники обсуждения, в их числе Яковлев, высказались против: надо не "приспосабливать", а разработать специальный пассажирский.

СЛАВА ПОБЕДИТЕЛЮ!

Кто же еще, кроме Яковлева, обсуждал вопрос о Ер-2, а главное, кто его "поставил"? Оказывается (но об этом в сборнике ни слова), вопрос поставил и предложил обсудить Сталин. Будто не знал, что еще до войны бомбардировщик Ер-2 был переделан Бартини из рекордной пассажирской "Стали-7". И назывался он сначала ДБ-240. Следовательно, ничего тут не требовалось приспособлять, надо было просто восстановить, что получилось бы быстрее и дешевле.

Главный маршал авиации А.Е. Голованов также говорил, что лучшим нашим дальним бомбардировщиком в начале войны был бартиниевский ДБ-240, и очень сожалел, что машин этих было мало, штук 300 всего. Да и те быстро исчезли, загубленные непрошеными усовершенствованиями. Причем Яковлев тогда был замом наркома авиапромышленности, то есть наверняка одобрил "усовершенствования".

Когда "Сталь-7" (основным конструкционным материалом этого самолета была сталь, а не дюраль) до войны готовилась к рекордному перелету, Бартини как раз арестовали, объявив шпионом Муссолини. Общее собрание в ОКБ, естественно, горячо одобрявшее действия Лубянки, потребовало сжечь вредительский самолет. И тогда выступил командир назначенного экипажа Н.П. Шебанов:

- Ясно, самолет "вредительский". Но вот ты, Коля, крыльевик, - твое крыло сломается в полете? И ты, Миша, шассист, - когда шасси подвернется, на взлете или при посадке?

И так далее... Все энтузиасты мигом прикусили языки. (Имена здесь, понятно, условные).

Тогда "Сталь-7" установила рекорд скорости на огромной по тем временам дальности. По этому случаю в Кремле состоялся прием, как тогда было заведено. Сталину представили и экипаж, и ведущего конструктора.

- А кто главный конструктор, почему его здесь нет? (Будто бы и не знал).

- Бартини, - выдвинулся Шебанов. - Он арестован. Ворошилов продолжил:

- Надо бы отпустить, товарищ Сталин. Уж больно голова хорошая!

Сталин - Берии:

- У тебя?

- Да.

- Жив?

- Не знаю...

- Найти, заставить работать!

Бартини же в тот вечер или в ту ночь лежал в крови на полу в кабинете следователя, почти потеряв сознание. Еще услышал, как кто-то вызвал "исполнителя", то есть палача. Легонько стукнуло по затылку:

- Ну чего рыпашься? Сейчас здесь будет маленькая дырка, а здесь, - пахнуло по лицу, - все разворотит...

И сознание погасло.

Затем почувствовал, как его куда-то несут, везут. Привезли в подмосковное Болшево, где собирали арестованных крупных оборонщиков. Оттуда, подлечив, - в ЦКБ-29 НКВД, бывшее ОКБ Туполева. Сам Туполев уже был там. Потом и Королева привезли с Колымы.

Кстати, Королев называл себя учеником и Туполева, и Бартини. Но учиться у них он начал не в тюрьме, а раньше.

Водворенный в шарагу, Бартини принял участие в переделке пассажирской "Стали-7" в дальний бомбардировщик ДБ-240. Он консультировал своих бывших соратников. Его к ним "тайно" возили по ночам. Несмотря на это издевательство, работал на результат. В начале войны Геббельс уверил немцев, что ни один камень не содрогнется в Берлине от постороннего взрыва, потому что советская авиация уничтожена. Но камни содрогнулись: в первые месяцы Берлин бомбили ильюшинские ДБ-ЗФ, а затем намного более дальние и скоростные бартиниевские ДБ-240: летали от самой Москвы и обратно, без промежуточных "аэродромов подскока" и без дозаправок. Хотя и недолго летали...

ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Первым самолетом Бартини, как главного конструктора, был экспериментальный "Сталь-6", типа истребителя. С первых лет советской власти скорости отечественных истребителей иногда подрастали, но ненамного: всего по 10- 15 км/ч, и до 1932 года практически не превышали 300 км/ч. Между тем в конце этого периода военные потребовали 450 км/ч - недостижимые, как утверждали в Глававиапроме. Скандал!.. Очередное совещание - на этот раз у Орджоникидзе, в присутствии Ворошилова и Тухачевского. Сначала выступили промышленники, предъявили расчеты, строгие пересекающиеся графики потребных и располагаемых мощностей моторов. За точкой их пересечения - зона фантастических скоростей, нереальных, как считалось в те годы: выше 300 километров. На дальнейшее же увеличение скорости не хватало имеющихся мощностей моторов.

Закончили выступать промышленники. Военные же молчали, как будто смущенно. Тухачевский опустил глаза и сделал вид, что листает какую-то папку.

- Товарищ Тухачевский, вам слово! Не молчать же вы здесь собрались!

- Да, теперь мы видим: кривые вот... пересекаются... Наука! Но дело в том, что такой самолет уже есть, уже испытан... Почти такой: 430 километров в час!.. А вот и его конструктор, комбриг Бартини Роберт Людовигович, просим любить!

- Позор! - вскипел Орджоникидзе. - С глаз долой все эти ваши "секай-пересекай"! Принимаем требование товарища Реввоенсовета [Тухачевского. -Прим. вит.)!

...Главным авиаконструктором Бартини назначили по настоянию Тухачевского. При чем вскоре. Был, значит, талантлив.

...Летящему самолету сопротивляется встречный воздух, он тормозит машину, давит, в частности, на шасси и на радиатор охлаждения воды, разогретой в моторе. А Бартини сделал шасси полностью убираемым после взлета и выпускаемым перед посадкой; охлаждение же мотора - безрадиаторным, испарительным. И не на что стало встречному воздуху давить, кроме как на крылья машины, ее фюзеляж и оперение. Сопротивление полету упало - и скорость возросла.

В испарительной системе охлаждения вода не просто нагревается в моторе, а испаряется. Пар уходит в щель междудвойной обшивкой крыла, там охлаждается, конденсируется, и вода снова подается в двигатель. Работать такому мотору сложнее, жарче, но на то он и рассчитан. И, наконец, машина получилась необычайно легкой, так как Бартини с помощниками сумел объединить в ее конструкции точечной сваркой разные типы стали. Одна сталь требовала электрического удара большой силы, но короткого, другая - слабого, но продленного. Время сварки и ее силу разделили: сперва наносили сильный короткий удар, затем силу снижали, время же продлевали. В дело подключили автоматику, так, что даже мастера-сварщики этого не замечали, думали, что режим просто мастерски подобрали: пробовали, пробовали - и нащупали...

Примерно с появлением "Стали-6" скорости наших истребителей круто пошли вверх. Бартини же вскоре разработал на этот раз настоящий истребитель "Сталь-8", рассчитанный на еще большую скорость - 630 км/ч. Но строить его - по разным надуманным, по всей видимости - причинам не стали.

В ДЕТАЛЯХ

Обратимся к относительно недавнему прошлому. В середине 60-х годов Бартини доложил в ЦК КПСС о своем анализе перспектив развития транспорта. Каждое транспортное средство характеризуется рядом показателей: скоростью, дальностью, грузоподъемностью, степенью зависимости от погоды, стоимостью... Бартини математически свел эти показатели каждого средства к трем обобщенным, отложил обобщенные на осях в обычной системе координат и, отложив длину, ширину и высоту, начертил параллелепипед. Затем на получившихся максимальных величинах начертил максимальный, но гипотетический прямоугольник. Скорость и дальность такого нереального, но в принципе представимого средства - как у космического корабля, грузоподъемность - как у корабля океанского, зависимость от погоды - не более чем у тяжелого поезда...

И стало видно, что реальные прямоугольники, каждый в отдельности и все вместе, в сумме занимают лишь малую часть объема гипотетического. Один получился широким, но плоским, другой - высоким, но тонким... А далее - что максимальную долю объема гипотетического займут экранопланы, аппараты, известные у нас с 1935 года и даже строившиеся, хотя и единицами. Но не обычные экранопланы, а с вертикальными взлетом и посадкой.

До сих пор, уже и в XXI веке, интерес к экранопланам то разгорается, то гаснет - даже к обычным моделям. Что же касается предложенных на том давнем совещании, то о них вообще речи не было. В результате же - их крайне мало.

Доклад тот горячо одобрили, особенно почему-то идея понравилась главнокомандующему ВМФ С.Г. Горшкову, и решили действовать. Распределили обязанности ведомств, наметили сроки. Отпустив участников совещания, секретарь ЦК Д.Ф. Устинов попросил Бартини задержаться:

- Только, Роберт Людовигович, вы уж, пожалуйста, время от времени напоминайте нам о принятом решении, подталкивайте нас. А то ведь, сами понимаете, без напоминаний оно заглохнет.

Вернувшись на работу, Бартини безнадежно протянул ждавшим его рулон с материалами к докладу:

- Эти - в архив, на самую верхнюю полку. Они едва ли скоро понадобятся...

Все же через пару месяцев он спросил министра авиапрома П.В. Дементьева, тоже участника совещания у Устинова, что сдвинулось с тех пор в МАПе. Министр с трудом вспомнил, о чем идет речь, и поманил Бартини к окну:

- Ты ведь знаешь, Роберт, меня возит "ЗИМ". Тебя, я знаю, - "Волга". Вон кто-то приехал к нам, вылезает из "Москвича". А вон те, - министр ткнул пальцем в прохожих на улице, - те ездят на собственных ... или, кому из них угодно, шлепают пешедралами... Ну и хрен с ними!

Имевшие дела с Дементьевым догадаются, что пешедралов он припечатал куда крепче.

Бартини крепкий язык понимал, но пользовался им редко и не при всех. Он и во многом другом отличался от больших начальников. Например, не открывал в министерстве двери, что называется, ногой. Стучался: разрешите? Разрешали, обнаглев, не всегда. Сотрудник авиапрома, кавказец, не выдержал такого и наорал, было дело, на замминистра, некоего Михайлова:

- Вы что же делаете?! К вам гений приехал, а вы его... Знаете, есть такой глагол: вымирать? На русском он непереходный, а у нас - переходный. Вот я вам и скажу по-кавказски: вы здесь Бартини "вымираете"!

НЕСГИБАЕМЫЙ

"Вымирали" Бартини частенько, в том числе и уже освобожденного и снова назначенного главным конструктором. Не в Москве, где он до ареста был уже главным, а в Таганроге. В Москве жить ему еще 5 лет было запрещено. На "свободе" он спроектировал, в частности,

магистральный транспортный Т-117, невиданной вместимости, а размеров - обычных для двухдвигательной машины. Но изобретение мастера осталось лишь в проекте. Кто же загубил Т-117?

В те годы бомбардировщики оставались в основном поршневыми - эпоха реактивных только начиналась. Это было видно и некоторым конструкторам, и крупным военным, но только, к сожалению, не Сталину.

Между тем в СССР большими сериями производились очень хорошие поршневые двигатели АШ-73, ставившиеся, в частности, на тяжелые бомбардировщики Ту-4. Жалко было прекращать налаженное производство АШ-73 из-за перехода на реактивные. Поршневым двигателям предстояло долго еще стоять на транспортных самолетах. Бартини это учел и все рассчитал.

Когда опытный Т-117 уже построили процентов на 80, у Сталина состоялось совещание. Доложил ему про Т-117 главком ВВС К.А. Вершинин, упомянув и АШ-73. Не знал, что генералиссимуса успели предостеречь: мол, Бартини - о ужас! - покушается на моторы, применяемые на бомбардировщиках!

- Вам что нужнее (Вершинину) - бомбардировщики или транспортники?

На "прямой" вопрос Сталина ответ мог быть только абсолютно "прямым":

- Бомбардировщики...

Так, в 1948 году ОКБ Бартини в Таганроге закрыли, а опытный Т-117 пустили на металллом. Бартини же отправили заведовать отделом в Новосибирск, в НИИ. Да вслед еще присовокупили начальнику этого НИИ устно:

- Вы там проследите, чтобы он вам какой-нибудь самолет не нарисовал!

Когда у Бартини отнимали ОКБ, что случалось неоднократно, он, по всей видимости, не сильно огорченный, тут же поднимался ввысь - в теорию. Печатался в самых элитных изданиях, вплоть до "Докладов Академии наук СССР". Подписывал он такие работы как Роберто Орос ди Бартини. Видно, не забывал свое баронство. А милостиво сохранявшуюся за ним зарплату почти целиком отдавал на стипендии студентам. Ел он в такие времена в недорогих кафе, рядом с домом. Бывшая его сотрудница, узнав об этом, ахнула и вызвалась ежедневно его обслуживать. Не тут-то было:

- Хватит! Меня 10 лет водили, теперь хочу сам ходить!

В одном своем научном труде он предложил формулу для аналитического определения всех так называемых мировых физических констант. Этих констант десятки: скорость света в пустоте, масса покоя, постоянная Планка... И все они, бесконечные дроби, то и дело уточнялись, но только опытным путем. Не очень надежно, да и дорого. И получалось, что стройное, прекрасное здание теоретической физики опиралось на недостаточно прочный фундамент. Бартини же предложил формулу, дающую любое число знаков после запятой, чем спровоцировал истерику знаменитого академика: "Не-ет!.." Все остальное - за кадром. А тем временем другой академик, Н.Н. Боголюбов, посоветовал опубликовать работу в рубрике "Письма" в "Журнале экспериментальной и теоретической физики" независимо от строгости ее обоснования. И ее опубликовали. Резонанс был отменный.

МИР по БАРТИНИ

Наш Мир мы видим четырехмерным: его длину, ширину и высоту плюс одномерное время, похожее на шнурок, протянутый из прошлого в будущее через настоящее. Бартини же увидел Мир шестимерным, в котором время - трехмерно! Это и привело к формуле для определения мировых констант, что и разозлило именитых ученых. Однако на "шестимерии" Бартини не остановился. Не знаю, публиковал ли он что-либо про дальнейшее, а устно этим делился. Оказывается, полагал, что Мир имеет бессчетное число измерений; "шестимерие" же - лишь его ближайшее к нам, устойчивое состояние. Из чего следует, что любой из нас может неосознанно, абсолютно ничего не заметив, мгновенно оказаться на любом удалении от Земли, в иной цивилизации. Возможно, в несравненно более развитой, чем наша.

А что? Ведь пользуются же математики любым числом измерений. Только знают ли, догадываются ли, откуда у них такая свобода? Но если земной человек может мгновенно и неосознанно оказаться в иной, дальней, несравненно более развитой цивилизации, значит, и тамошний житель может мгновенно оказаться у нас. Да еще и с поручением от соотечественников. Например, не дать нам вселенски набезобразить, пустить на пыль и себя, и близких, а то и далеких соседей...

Пятьдесят один год прожил Бартини в СССР, почти сорок пять из них был главным конструктором. С ним работали тысячи специалистов ("с ним", а "не у него" - он неизменно поправлял при таких оговорках], и он работал с ними. Министры, академики, директора, начальники отделов и цехов, рядовые конструкторы, копировщицы, слесари, летчики - ко всем он относился одинаково уважительно, как к коллегам по единому делу. Чем же в таком созвездии отличается именно главный конструктор? Как найти такого человека и вовремя открыть перед ним дорогу, пока он еще не главный?

Рецептов на этот счет, наверное, еще нет, но есть примеры, вернее, образцы для подражания.

В 1974 году Бартини умер и был похоронен на Введенском кладбище в Москве. Привилегированного Новодевичьего, по-видимому, у кого надо было не заслужил. Надгробную речь по указанию МАПа огласил замминистра Михайлов.

Сейчас плита над могилой опасно накренилась: ее опора ослабла. Ремонт же считается невозможным из-за тесноты окружающих сооружений.

P.S. Незадолго до своего ухода Бартини побывал на вернисаже. Он очень интересовался изобразительным искусством. Сам часто рисовал то, чего, скорее всего, никто не видел, однако нельзя утверждать, что этого нет, не было и не могло быть. Как-то он набросал карандашом обелиск - виденную им, кажется, в Лондоне египетскую двадцатиметровую Иглу Клеопатры. А потом так прокомментировал свой набросок: "Известный космогонист Джине, автор одной из популярных гипотез об образовании нашей планетной системы, подсчитал, что если все время существования живой материи на Земле изобразить в масштабе, в виде этой Иглы, а сверху положить мелкую монетку, то в том же масштабе толщина монетки "изобразит" время существования человека на Земле. А если на монету положить еще и почтовую марку, то ее толщина представит так называемый исторический период жизни человечества. Что же тогда остается на долю хотя бы даже и целых исторических глав - инквизиции, татарского ига, эпохи великих географических открытий?.. И уж тем более - на долю отдельного промелькнувшего на Земле создания, какие бы титулы он ни носил... Только это, понятно, свидетельствует не о ничтожестве, скажем, Возрождения или императорского Рима, а только об их месте в череде минувших и предстоящих событий. Как и о нашем месте в череде поколений. Но пока мы живы, от нас зависит, станет ли обелиск выше, наступит ли когда-нибудь Золотой век"...